

Выстроенный С. Руаяль имидж «нового человека», способного обновить доктрину и практику ФСП, оказался весьма эффективным в условиях сильного разочарования французов в партийных элитах. Примечательно, что в правом лагере Н. Саркози в борьбе за право участвовать в президентских выборах использовал очень сходную с действиями С. Руаяль стратегию «разрыва с прошлым».

С лета 2006 г. С. Руаяль стала лидером избирательной кампании ФСП. Она имела сильную поддержку в электорате ФСП, где 75 % поддерживало ее кандидатуру [1]. Левые избиратели считали С. Руаяль более компетентной по сравнению со своими соперниками в вопросах занятости, безопасности, покупательной способности, иммиграции, социальной защиты, охраны окружающей среды. Еще одним козырем С. Руаяль стала ее высокая популярность среди населения страны. В августе 2006 г. 55 % французов готовы были проголосовать за нее во втором туре, что сделало С. Руаяль единственным политиком левого лагеря, способным победить Н. Саркози. [2].

Популярность С. Руаяль стала дополнительным фактором, оказавшим влияние на голосование активистов, среди которых она и без того пользовалась высоким авторитетом, особенно среди новых членов, вступивших в партию весной 2006 г. На выборах за нее отдали голоса 60,62% членов партии против 20,82% у Д. Стросс-Кана и 18,54% у Л. Фабиуса [3]. Однако, несмотря на широкую поддержку левого электората, ей так и не удалось одержать победу на президентских выборах 2007 г.

Литература:

1. Le Monde. 2006. – 22 aout. – P. 1, 6.
2. Le Monde. 2006. – 5 aout. – P. 6.
3. Mandraud, I. Ségolène Royal plébiscitée par le PS / I. Mandraud // Le Monde. – 2006. – 18 nov. – P. 1.

БЕЛОРУССКИЙ СТЕРЕОТИП ЕВРЕЯ (ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ МАТЕРИАЛАМ XIX – НАЧАЛА XX в.)

Хвасько С.А.,
магистрант УО «ГГУ им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь
Научный руководитель – Бабков А.М., канд. ист. наук, доцент

Становление и развитие белорусской этнографии на протяжении XIX-начала XX столетия, элементом которой являлась несомненно фольклористика, создало значительные предпосылки для изучения такого кладезя устного народного творчества, как сказки, обрядовые песни, анекдоты, пословицы и поговорки, шутки. Все это дает возможность для изучения национальных стереотипов как разновидности социальных стереотипов и как объекта для отдельных исторических исследований. Целью статьи автор видит попытку исследовать истоки формирования белорусского стереотипа еврея изучая фольклорные материалы XIX- начала XX столетий. При написании статьи были применены историко-генетический и хронологический методы исторического исследования.

Собиратель белорусского фольклора Ян Чачот приводит в своих записях следующую песню: «Жыла была жыдоўка, удоўка. Была ў яе дачка Хайка. Сватался к ней пан Зелянкевіч. Любава ліся яны, мілава ліся. Узяў ен Хайначку пад белыя плечыкі, кінуў Хайначку ў глыбокую рэчку і кажа: вот табе, Хайначка, вада і балота, а мне маладому – срэбра і злата. Вот табе, Хайначка, жыці з вадою, а мне ажаніцца з паненкай маладою» [1; С.131].

В фольклорно-этнографических сборниках братьев Тышкевичей присутствует раздел «Жарты, прымаўкі. Сварка», в котором встречается белорусская поговорка «Жыдоўскае пачакай» [2; С. 249]. В народных частушках, записанных К. Тышкевичем звучат такие слова: « Я казак, небарак, дзевачак не знаю; водку п'ю, жыдоў б'ю, цэлы дзень гуляю»; «Рандарова карова, а паповай рабы бык, як сышліся, пабіліся і зрабілі крык» [2; С.264-265].

А.К. Сержпутовский, собирая сказки и предания белорусов Слуцкого и Мозырского поватов Минской губернии в конце 19 - начала 20 столетий, передал в них описание образа еврея, характерного для восприятия окружающих его белорусов как доминирующего этноса.

В сказках белорусов-полешуков еврей (жид) предстает в образе хитрого дельца: « От наймае раз якісь жыдок колькасць хурманак везці рыбу ў мястэчку» [3; С. 33].

В сказке «Хвароба над хваробамі» болезнь сравнивается с еврейкой, которая собирает тряпье « Перш падышла хондзя, ці як жэ кажучь, трасца, - зелёная, худая, от бы тая жыдоўка, што анучы збірае». Была и поговорка на эту тему « Што пурым не свято, а трасца не хвароба» [3; С. 37].

В сказке «Мужык і жыд» еврей предстает в образе жадного эксплуататора, который дерёт три шкуры с простого мужика, всячески обманывает его и принуждает быть его должником. Отношение простого белоруса к своему хозяину еврею проявляется в таких выражениях « Думаў

Янка як яму выбрацца з лап паганага жыда». Янка гаворыць свайму гаспадару: «Бачыў, як на тваём бацьку чэрці смалу возяць, а матка спіць на цвіках, набітых у дошку, і ходзіць суздром го-

лая» [3; С.72-73]. В конце концов, работник обманывает жадного еврея, смекалкой выманив у него лошадей и вещи.

В сказке «Як школу будавалі» белорусы говорят про евреев: «Яшчэ ў нашым краі не было да гэтуль такой погані – жыдоў, так чорт схапіў недзе цэлых дванаццаць жыдоў і прывалок іх у наш край на прыплодак. Валандаюцца, нібы трутні, рабіць нічога не умеюць, таму беларускага мужыка жыды падпаіваюць, каб дапамог школу збудаваць» [3; С. 73-76]. Несмотря на то, что, по словам белорусских крестьян, евреи «грамотные, умные, библию читают», в бытовых вопросах они совсем неприспособленные, не знают как речку перейти вброд, как в лесу устроиться на ночлег, как заготовить колья для строительства. Воспользовался белорусский мужик тем, что евреи сами ничего не умеют делать, проучил их хорошенько в лесу и домой ушел.

В сказке «Баязлівы» еврей изображен трусливым, по дороге в местечко его в лесу настигла ночь, бежит он со страху со всех ног, боится собственной тени, шарахается от любого звука, чуются ему всякие ужасы. Повстречался мужик по дороге, обратился еврей к нему с просьбой спрятать его. Мужик спрятал «жыда», но и проучил его за трусость [3; С. 76-77].

В сказке «Прошча» еврей изображен находчивым и очень хитрым корчмарем, который три дня не ел, не пил, а все думал, как разбогатеть. Сговорился он с попом и придумал чудо сотворить в виде иконки со свечами, плывущей по реке. Простые мужики поверили в чудо. И повалил народ в село, несут подношения кто что может. И поп разжился, а еврей еще больше разбогател [3; С. 79-80].

В сказке «Хаўрус» еврей напросился к мужику за компанию отнести рыбу пану, который пообещал щедро наградить за это и поплатился за свою жадность, за компанию получил кнутом по спине [3; С. 87-88].

В рассказе «Каваліха» мужик говорит: «Если будут кони, то жена заставит возить на них жидов или попов». В других сказках и рассказах, записанных А.К. Сержпутовским, часто появляется образ белорусского мужика-извозчика по отношению к евреям. Отсюда вывод, что евреи часто нанимали белорусов с целью извоза. В некоторых рассказах сравниваются в своем богатстве польские паны и евреи [3; С. 121-122, 132].

Таким образом, изучив материалы белорусского фольклора можно сказать, что этнический стереотип еврейского населения белорусских губерний складывался под влиянием социально-экономических процессов развития капитализма и формирования белорусской нации во второй половине XIX- начале XX вв. Все это отложило свой отпечаток на содержание национального стереотипа еврея и его характер.

Литература:

1. Фальклор ў запісах Яна Чачота і братоў Тышкевічаў/ НАН Беларусі, 2- выд. – Мн.: Бел. навука, 2005.- 330 с.
2. Федароўскі, М. Люд беларускі. Вяселле [Тэкст]/ Міхал Федароўскі. – Пер. з польскай мовы.- Мн.: Польша, 1991. -142 с.
3. Сержпутоўскі, А.К. Казкі і апавяданні беларусаў -палешукоў [Тэкст]/ А.К. Сержпутоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 1999. – 191 с.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ 1812 г. В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ

Цинкевич А.А.,

аспирант БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Бригадин П.И., доктор ист. наук, профессор

Боевые действия 1812 г. на территории Беларуси нанесли её землям существенные социально-экономические потери. Целью данной работы является отражение потерь, понесённых Витебской губернией в ходе войны 1812 г. При написании статьи были использованы принципы историзма и объективизма, а также историко-генетический метод.

Прежде всего, существенными были потери населения Витебской губернии. Опираясь на данные А.М. Лютого, мы имеем возможность проследить динамику развития населения с 1811 по 1815 гг. по некоторым городам губернии и самому г. Витебску. На момент проведения ревизии в 1811 г. население Витебска составляло 13 511, а в 1815 г. – 6721 человек [4, с. 31]. Даже спустя три года после окончания войны население губернского города смогло достичь лишь половины от довоенного уровня. Однако необходимо отметить, что не все людские потери были от боевых сражений. Как известно, уже во время войны начали появляться заразные болезни, которые уносили большое количество человеческих жизней. Особенно остро эта проблема встала после весенней оттепели, когда растаял снег и вскрылись разлагавшиеся трупы людей и скота, которые принесли инфекционные, неизлечимые в то время болезни. Отрицательная динамика населения наблюдается и в других городах Витебской губернии: в Городке на 1811 г. было 2099 человек, а в 1815 г. – 1049, в Дриссе соответственно – 2252 и 1104, в Лепеле – 3285 и 1653, в Полоцке – 6848 и